

На правах рукописи

УЛАНОВ Андрей Владимирович

**ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII–XVIII ВЕКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТОЛИЧНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ
ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)**

Специальность 10.02.01 – «Русский язык»

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Омск – 2008

Работа выполнена на кафедре исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Осипов Борис Иванович;

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Щербакова Наталья Николаевна;
кандидат филологических наук, доцент
Михайлов Алексей Валерианович

Ведущая организация: Казанский государственный университет
им. В. И. Ульянова-Ленина

Защита состоится «23» июня 2008 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Сибирском федеральном университете по адресу: г. Красноярск, ул. Маерчака, 6, ауд. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Сибирского федерального университета.

Автореферат разослан «23» мая 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И.В. Башкова

Общая характеристика работы

Настоящее исследование посвящено многоаспектному анализу военной лексики русского литературного языка XVII–XVIII веков. Данная работа выполнена в рамках исторической лексикологии; в диссертации также затрагивается проблематика исторического терминоведения и лингвистического историко-лингвистического терминоведения.

Проблемы функционирования военной лексики в её историческом развитии касались многие исследователи, был создан целый ряд работ как историко-этимологического, так и сугубо лексикологического характера. Последние можно условно разделить на две группы:

1) исследования, анализирующие военный лексикон в *хронологическом* аспекте: касающиеся какого-либо периода его истории либо отражающие процесс эволюции военной терминосистемы.

Наиболее изученной является военная лексика древнерусского периода. Так, А. С. Львов прослеживает историю военных наименований киевского войска и их употребление в «Повести временных лет». П. Я. Черных пытается установить основные факторы эволюции военной лексики. Б. А. Ларин делает ценные замечания по истории военной лексики старорусского периода, о её происхождении и семантике.

Ф. П. Сороколетов в фундаментальном труде «История военной лексики в русском языке XI–XVII вв.» замечает, что можно «констатировать определённую и устойчивость военных слов, их семантическую взаимосвязь и взаимообусловленность, отражающую взаимосвязь понятий и идей, обслуживающих военное дело, т. е. можно установить наличие признаков, присущих терминам и терминологическим системам, в нашем случае – системе военной терминологической лексики».

В последние десятилетия появились работы, посвященные изучению отдельных лексем военного дела в историко-лингвистическом (рассмотрение языковых единиц в процессе их становления, эволюции) и этимологическом (анализ происхождения языковых единиц, путей их номинации) аспектах: *кинжаль* (Селимов 1970), *булава*, *набалдашникъ* (Богатова 1982), *корабль*, *судно* (Гулякова 1983), *гренадер*, *мушкетер* (Ипполитова 2002) и др.;

2) исследования, затрагивающие *этимологический* аспект: иноязычное влияние в сфере военной лексики, соотношение исконного и заимствованного в военном лексиконе (Биржакова и др. 1972, Филин 1981, Егорова 1984, Одинцов 1984, 1989, Демьянов 2001, Лосева-Бахтиярова 2005, Конончук 2007).

Основной недостаток работ, касающихся истории слов военного дела в русском языке, – отсутствие панорамного взгляда на военный лексикон XVII–XVIII вв. Помимо перечисленных выше, в советском языкознании появлялись работы, освещавшие либо другой период истории военной терминологии – древнерусский (Ледяева 1955, 1980, Абдульманова 1966), либо часть изучаемого нами периода (Егорова 1984). Современные исследования

военной лексики затрагивают не столько этимологический, сколько функциональный аспект её использования, например, особенности перевода на иностранные языки – соотношение семантической группы названий оружия в английском и русском языках (Ильченко 2000); функционирование военного и военно-морского подязыка (Егоршина 1995; Чипан 2000). Этому вопросу внимание уделялось и ранее (Шевчук 1985; Войцева 1989). Активно исследовался и исследуется процесс семантического словообразования военной лексики – в частности, в публицистическом дискурсе (Сычев 1980, Чудинов 2001), в корпоративном языке спорта (Левашов 1979, Елистратов 2005). Анализируется военная лексика периода Великой Отечественной войны (Кожин 2001).

В военной лексике анализируемого периода имеют место номинации, образованные семантическим путем, суть которого отражена в работах В. М. Маркова, Б. И. Осипова, Е. Э. Еселевич и других исследователей. В настоящее время теория семантического словообразования активно разрабатывается.

Большинство учёных признает существование пласта военной лексики в XVII–XVIII веках, считает его богатым в плане содержания и выражения, однако не проводит детального, многоаспектного анализа истории военных наименований. В работах современных исследователей поднимаются частные вопросы военной лексики: процесс заимствования, освоение европеизмов русским языком, их этимология и семантика. Единичность, фрагментарность, аспектуальность изучения военной лексики XVII–XVIII вв., а также потребность в изучении её терминологизации и обусловили выбор нами темы исследования.

Так как работа относится к исторической лексикологии и терминоведению, необходимо дифференцировать понятия термина и наименования. Под термином мы понимаем номинативный знак, созданный для обозначения предметов, явлений, отношений той или иной профессиональной деятельности. Функциональная закреплённость термина отличает его от наименования, наделенного лишь номинативной функцией.

Понятие «военная лексика» включает в себя понятия «военная терминосистема», «военная терминология», но не исчерпывается ими, т. к. слова военного дела не всегда подпадают под определение «термин», к таким, например, можно отнести оценочные, уменьшительные номинации, многие составные и стилистически маркированные наименования. Ввиду того, что в старорусский период таких было большинство, слова имели многочисленные производные формальные и семантические образования, старорусский военный лексикон нельзя назвать терминологией. Он ещё не представляет собой чётко организованную, целостную, связную систему, скорее, это фонд слов, объединённых отнесённостью к военному искусству. Поэтому для военных наименований старорусского периода применим термин *военная лексика*. Изменения, происходящие в петровскую эпоху, а именно – заимствование лексем, «вычленение» значений (семантическое словообразование), организация целостных тематических и лексико-семантических групп – производят трансформацию русской военной лексики в *военную терминосистему*, которая вступает на более высокий этап своего развития в последующее время.

Задачами современного исторического терминоведения являются: определение этапов и закономерностей развития терминологий русского языка, взаимодействие общеупотребительного и специального языка. В последние годы появился ряд исследований истории русских терминосистем (Юдина 2003), в частности, диссертация Е. И. Головановой (Голованова 1995), посвященная эволюции уральской горнозаводской терминологии в XVIII–XIX вв. и диахронически раскрывающая такие понятия, как терминосистема, терминоэлемент, а также логические и системные связи терминов, их онома-сиологические структуры.

Таким образом, **актуальность** данного исследования состоит в том, что оно посвящено важному периоду в истории русского языка – XVII–XVIII вв., когда его лексическая система находилась в состоянии эволюции, способствовавшей формированию связных терминологических систем. Словарный состав русского национального языка петровского периода ввиду его подвижности, изменчивости ставит перед исследователем разные вопросы (специализация лексики, её расширение, влияние различных факторов лингвистического и экстралингвистического порядка), решение которых вызывало полемику в научной среде и остается актуальным и в настоящее время. Актуально и рассмотрение проблемы заимствованной лексики, её судьбы на протяжении XVIII в. сквозь призму делового языка, отразившего все новые веяния в русской языковой культуре петровского и постпетровского периодов. Тематика и проблематика исследования актуальны в связи с изучением военной лексики с позиций исторической лексикологии, диахронического языкознания.

Объектом исследования является система военных наименований предпетровской и петровской эпох как часть специальной лексики складывающегося литературного языка национального периода (конца XVII – начала XVIII в.).

Предметом изучения являются семантические, структурные и функциональные свойства номинаций военного дела XVII–XVIII вв., их формальные и семантические изменения в истории русского языка. Ключевым вопросом исследования является процесс трансформации русской специальной лексики в период модернизации русского общества и становления военной термино-системы как целостной и открытой системы наименований.

Научная новизна работы заключается в изучении определенного количества неисследованных (или недостаточно исследованных) источников русского языка XVII–XVIII вв., а также источников, военная лексика которых не была предметом особого рассмотрения. Тем самым, диссертация вводит в научный обиход новые лингвистические ресурсы (в частности, военные уставы). Новой является семантическая классификация слов военного дела, структурированных в соответствии с современной военно-теоретической наукой. Комплексный анализ наименований военной лексики XVII–XVIII вв. проводится впервые.

Цель работы – исследование формирующейся на протяжении XVII–XVIII вв. русской военной терминологии в структурно-семантическом, словообразовательном, парадигматическом и историко-лингвистическом аспектах.

Для достижения данной цели в диссертации решается ряд **задач**:

1. Выделение этапов развития военной лексики в русском языке как с учётом периодизации развития литературного языка, так и с учетом преобразований в области военного искусства.

2. Описание семантической структуры военной лексики XVII–XVIII вв. в соответствии со структурой реалий вооруженных сил указанного периода, характеристика состава тематических и лексико-семантических групп.

3. Выявление формальных особенностей старорусской военной лексики с учетом неустойчивой языковой стихии XVII в. и динамики системы специальной лексики, анализ системной связи лексем, установление происхождения и основных путей образования наиболее употребимых наименований.

4. Характеристика функционирования слов военного дела в петровскую эпоху, выделение основных путей образования и трансформации наиболее употребимых наименований, комплексная оценка пополнения запаса военной лексики в эпоху петровских реформ.

5. Раскрытие особенностей процесса заимствования среди лексем военного дела: основных факторов иноязычной языковой экспансии, семантической и формальной адаптации западноевропейской военной лексики.

6. Определение основных тенденций развития военной лексики в предпетровскую и петровскую эпоху.

7. Дифференциация механизмов терминологизации, специализации номинаций, превращения лексических элементов в термины, а разрозненной лексической системы – в терминосистему.

8. Анализ становления военной терминологической системы русского языка в XVII–XVIII веках и её развития в последующее время.

В работе имеют место следующие **методы исследования**. *Семантико-стилистический метод* служит для раскрытия семантико-стилистического своеобразия лексем, *сопоставительный* и *структурный методы* помогают выявить специфику их деривационных и парадигматических отношений. *Описательный метод* использован нами при системной характеристике военной лексики изучаемого периода. *Сравнительно-исторический метод* позволяет реконструировать исходную форму лексем, утративших словообразовательную мотивацию, претерпевших процесс дестимологизации. С помощью *статистического метода* анализируется частотность слов военного дела на протяжении XVII–XVIII вв., а следовательно, и динамика их употребления, бытования в языке.

Материалом (источником) исследования послужили памятники деловой письменности 1600–1800 гг., выбор которой в качестве источника исследования был вызван универсальным, демократическим характером канцеляр-

ского языка XVII–XVIII вв., воплотившего в себе все новые веяния в языковой культуре того времени.

Особый интерес представляет изучение региональных разновидностей столичного делового языка. Региональный языковой узус помогает постичь постепенное становление русского национального языка на периферии, переживающего многочисленные колебания на уровне формы (вариантность) и содержания (появление оттенков в семантике). Деловая письменность воплотила все черты складывающейся военной терминосистемы того периода: колебания в плане словообразовательного и морфологического оформления, разветвленность парадигматических отношений и отсутствие единства в системе средств выражения.

В Урало-Сибирском регионе наиболее изученной в настоящий момент является письменность Пермского края (Е. Н. Полякова), Южного Урала и Зауралья (Л. А. Глинкина, Р. П. Сысуева, И. А. Шушарина, С. Г. Шулежкова), Енисейского края (Л. М. Городилова), Забайкалья (М. П. Майоров).

Деловые памятники XVII века, отраженные в работе, мы отнесем к столичной деловой письменности и условно разделим на памятники общего содержания и военно-теоретические памятники. К первым относятся рукописные газеты «Вести-Куранты» [далее – В-К]. Ко вторым – книга военного писателя XVII века И. Я. фон Вальхаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» («Книга о ратном строе») (1649), имеющая все «атрибуты» делового языка (стандартизованность, предписательность изложения), «Уложение Алексея Михайловича» (1649).

В ходе работы над исследованием военной лексики XVIII в. нас прежде всего интересовали источники гражданского, военного делопроизводства, например, рукописные фонды Государственных архивов Челябинской (ГАЧО) и Омской областей (ГАОО): «Документы Миасской крепости Исетской провинции» (ГАЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1), фонды ГАОО «Военно-походная канцелярия главного командира Сибирского корпуса (1740–1800)» (ф. 1), «Канцелярия командира Сибирских пограничных линий (1794–1809 гг.)» (ф. 439). Документы церквей Курганского уезда Тобольской духовной консистории, хранящиеся в Государственном архиве Курганской области (ГАКО), содержат сведения о событиях театра военных действий середины – конца XVIII в.

Нами были использованы и печатные документы (старопечатные книги), относящихся к военной сфере, хранящиеся в ГАКО и ГАОО: «Уставъ воинскій о должности генералов-фельдмаршаловъ...» (1780), «Инструкція коннаго полку полковнику...» (1766), «Книга Уставъ морской» (1780), «Договор между Россійской имперіей и Оттоманской Портой 1779 г.» и др.

В плане тематическом выделим следующие группы использованных нами источников: военно-теоретическую литературу («Провіантскіе регуль» (1797); военно-юридическую и историко-юридическую литературу («Словарь Юридическій...» (1792), «Указы імператора Петра Великаго» (1739)); военно-историческую литературу (книги М. В. Ломоносова, В. Третьяковского, О. Беляева, А. Солиса, Ф. Прокоповича); специальную литературу («Общий гербов-

ник дворянских родов Российской империи» (1797)).

Важность лексикографических источников в рамках нашего исследования несомненна. Нами использован языковой фонд лексиконов XVIII века и более поздних словарей, отражающих язык петровского времени. К первым отнесем «Рукописный лексикон первой половины XVIII в.», «Лекіконъ вокабиламъ новымъ по алфавиту», «Словарь Академии Российской» (1789–1793) (САР), ко вторым – словарь «Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ въ эпоху Петра Великаго Н. А. Смирнова», «Словарь русского языка XVIII в.». Отметим, что если «Рукописный лексикон» и САР в большей мере ориентированы на исконно русскую языковую стихию и заимствования находят в них недостаточное отражение, то словарь Смирнова и «Лексиконъ вокабуламъ новымъ» служат развёрнутыми источниками по истории становления европеизмов в русском языке.

Теоретическая значимость работы. Значимым является разработка структурной классификации военных номинаций XVIII века, включающей в основном своем виде пять моделей. Автором предложено собственное видение семантической структуры военного лексикона, выявлены не отмеченные ранее основные тенденции развития военной лексики в предпетровское и петровское время.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы на занятиях по истории русского литературного языка, на спецкурсах по исторической лексикологии и терминоведению, лингвистическому источниковедению русского языка. Практическую значимость имеют хронологически дифференцированные словари военной лексики XVII–XVIII веков, содержащие развернутое толкование лексем и приведенные в приложении 2.

Результаты исследования. В работе воспроизводится структура военной лексики XVII–XVIII веков, обобщаются пути образования военных номинаций, раскрываются основные причины заимствования иноязычных слов, их судьба в русском языке. Отдельные параграфы посвящены характеристике структуры и системных отношений военных наименований. Большое внимание уделяется частотности употребления и развитию военной лексики в начале-середине XVII века. Значимым является рассмотрение военной лексики XVII–XVIII веков с позиции последующего развития военных наименований.

Апробация. Основные положения диссертационного исследования апробированы и изложены в виде докладов на региональных научных конференциях: «Актуальные проблемы лингвистики» (г. Курган, 2004 г.), «Актуальные проблемы анализа художественного произведения» (г. Курган, 2005 г.), «Человек в свете современных естественнонаучных и гуманитарных исследований» (г. Омск, 2006 г.), «Юговские чтения» (г. Курган, 2007 г.); международных научных конференциях: «Славянские чтения» (Омская обл., г. Тара, 2006 г.), «III Международные Бодуэновские чтения» (г. Казань, 2006 г.), «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (г. Кемерово, 2006 г.), «Современные социально-политические и культурные альтернативы и человеческий потенциал» (г. Омск, 2007 г.), а также нашли

отражение в статьях, опубликованных за период подготовки работы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Изучение русского военного лексикона и его терминологизации актуально как по причине отсутствия всестороннего исследования этой группы слов, так и в свете изучения новых источников, в частности, столичной и региональной деловой письменности XVII–XVIII вв. как языковой области, наиболее полно отразившей языковую стихию данного периода.

2. Основу наименований военного дела XVII в. составляют: в плане структуры – простые и составные номинации при доминировании первых, последние делятся на комплексные и описательные; в плане этимологическом – морфемно производные исконно русские наименования.

3. По причине расширения международных связей Русского государства входит в широкое употребление ряд заимствований: *генераль*, *капитанъ* и т. п., что вызвано, прежде всего, причинами внутриязыкового плана.

4. Наименования военной лексики XVII века отличаются разнообразием форм словесного выражения: они активно вступают в системные отношения, что свидетельствует о колебаниях в употреблении складывающихся наименований; распространённость варьирования и парадигматических отношений в лексике говорят о становлении единых лексических норм употребления языковых единиц.

5. В развитии военной лексики XVII в. намечается несколько тенденций как прогрессивного плана (активный процесс заимствования; появление терминологического значения наименований; стремление к выражению лексического значения в простом наименовании), так и регрессивного (процесс утраты наименований).

6. В XVIII веке военная лексика претерпевает коренные изменения в структуре и семантике. Структурному изменению военного лексикона способствует процесс заимствования лексем, вызванный и внутриязыковыми, и экстралингвистическими факторами.

7. Изменения в структуре касаются утраты исконных описательных сочетаний, выработки более сложных по форме составных наименований, в которых большую роль играет морфолого-синтаксическая закреплённость их компонентов.

8. Структурные изменения, детализация, специализация значения лексем способствуют их терминологизации. Военная терминология в XVIII веке в целом формируется на семантической базе русского языка XVII века, но на формальных элементах, в основном пришедших в русский язык из западно-европейских языков.

9. На протяжении XVIII в. военная терминология находится на этапе выработки окончательного варианта произнесения / словоупотребления / словоизменения / написания терминов, когда языковая норма способствует появлению того слова, которое функционирует в русском языке более позднего периода.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения (основных выводов), двух приложений (таблиц, словарей военной лексики XVII и XVIII вв.), списка источников из 47 наименований старопечатных

книг и изданных рукописных материалов, библиографического списка, включающего 170 наименований; иллюстративный материал представлен схемами и таблицами.

Основное содержание диссертации

Во введении обоснована актуальность выбранной темы исследования и её научная новизна, определен предмет исследования, дается формулировка его цели и задач, охарактеризована теоретическая и практическая значимость (§ 1, 5), дан обзор литературы по теме (§ 2), приведена дефиниция исторического терминоведения, к отрасли которого относится исследование (§ 3), дифференцированы и охарактеризованы источники диссертации (§ 4).

В первой главе «**Военная лексика в русском языке XVII века (предпетровская эпоха)**» предметом рассмотрения является развитие слов военного дела в XVII веке, который, на наш взгляд, занимает промежуточное, пограничное положение как ввиду подвижности русского языка данного периода, так ввиду тех изменений, которые вызвала изменчивость словарного фонда языка. Таким образом, русский язык XVII в. во всей его многоплановости, продуктивности, изменчивости является своего рода предтечей русского языка национального периода, «почвой» для появления терминологических систем, для унификации норм единого словоупотребления.

Первый раздел «**Периодизация развития военной лексики и старорусский период её истории**» затрагивает проблему выделения периодов развития (эволюции) военного лексикона, которые дифференцируются по разным критериям: хронологическому, внутриязыковому, военно-историческому.

В *общеславянский период* (II – I тыс. до н. э. – IX в. н. э.) существовали многие наименования орудий, позже ставшие производящей базой для образования наименований военного дела: *шкыра, пала* (отсюда *палица*), *копье*.

Внутрисистемные взаимодействия в лексической системе *древнерусского языка* (XI–XIV вв.) способствовали семантическому разграничению русско-славянских соответствий, например, слов *порохъ – прахъ* (значение ‘пыль’ в семантике слова *порохъ* было вытеснено семантически аналогичным словом *пыль*, а *порохъ* продолжало обозначать разного рода порошковидные вещества, в частности, взрывчатое вещество).

Появление огнестрельного оружия в *старорусский период* (XV–XVII вв.) вызвало появление в русском языке названий огнестрельных орудий: *пищаль, пушка, огненный нарядъ*; глаголов: *палити, стрѣляти* ‘производить выстрел из огнестрельного оружия’.

Периодизацию развития военной лексики можно произвести и с учетом наиболее важных свершений в области военного дела в России: (1) появление пороха – XV век, (2) строительство полков «нового строя» – XVII век, (3) появление регулярной армии – конец XVII – начало XVIII в.

Второй раздел «**Вооруженные силы русского государства в эпоху до Петра I**» характеризует процесс модернизации (вестернизации) русского

войска в XVII в., которая заключалась в смене дворянского ополчения полками нового (иноземного) строя, командовать ими приглашались иностранные офицеры. Отметим, что для вооружённых сил допетровской поры скорее применим термин *войско* 'совокупность военных сил государства', чем *армия* 'государственно-правовая организация вооружённых людей'. Армия появляется в России в эпоху Петра I.

В разделе «*Семантическая структура военной лексики XVII века*» мы характеризуем лексемный фонд наименований военного дела в XVII веке.

Структура военной лексики представляет собой целостную и связную систему слов, объединённых значением 'отнесенность к вооружённым силам', система членится на подсистемы (тематические группы), представляющие собой отдельные предметные области военной сферы и сопровождающиеся дополнительными значениями. Мы разделили военную лексику на ряд подсистем: наименования вооружения, военно-морскую лексику, наименования лиц по воинскому званию / воинской должности, лексику, связанную с воинским бытом, глагольную лексику. Понятие вооружённых сил, военного искусства проходит связующей нитью через все наименования военной лексики. Первые четыре подсистемы объединяются грамматической семантикой субстантивности, последняя группа – процессуальности. Подсистемы (тематические группы) разбиваются на микросистемы (лексико-семантические группы), конкретизирующие значение подсистем, представляющие их в разных аспектах. Таким образом, микросистемы понятий (лексико-семантические группы) соответствуют микросистемам понятий военной сферы.

Военная лексика XVII века, на наш взгляд, состоит из пяти тематических групп (588 единиц).

1) Морская военная лексика включает наименования кораблей и средств передвижения по воде (*каторга* 'вид галеры', *полукорабелье*, *воинские корабли* и др.); военного флота (*великая армада*, *воинской каравань* и др.); мест стоянки кораблей (*зимовое становье*, *корабельное пристанище* и др.); людей, связанных с мореплаванием (*адмиралъ*, *корабельный воевода* и др.); элементов оснастки корабля, его частей (*корма*, *парусь*, *шогла* 'мачта' и др.); абстрактные наименования (типа *корабельный бой*);

2) наименования вооружения включают названия индивидуального оружия (холодного – *булава*, *полашь*, *рапиерь* и др., огнестрельного – *карабинь*, *пистолхтъ*, доспехов – *пансырь*, *шишаць*); группового оружия (артиллерийских орудий: *картова*, *большой наряд*, *огнянка*, *полукартовная пушка* и др.); боеприпасов – *петарда*, *великие* / *малые* / *млхкие ядра*, *литые ядра* и т. п.); обобщённые наименования оружия (*вооружене*, *руже* и т. п.);

3) наименования лиц по воинскому званию / воинской должности содержат наименования по воинскому званию (*генерал майоръ*, *генераль фельдмаршалокъ*, *ратный генераль* и др.); лиц по воинской должности (*драбант* 'телохранитель', *заставной голова*, *комендантъ* и др.); лиц по принад-

лежности к родам войск (*кирасирь, рейтарь* и др.); общие наименования (*верховые / пешие люди, ратные люди* и т. п.); военачальников и военнослужащих разных государств (*рыцарь, ротмистр, янычанин*); лиц, имеющих отношение к военной службе (разных лиц: *бронной мастерь, самопальный мастерь*, пленников: *полоненые люди, омонат, полоняникъ* и др.);

4) лексика, связанная с воинским бытом состоит из: наименований военной символики (*прапорь, стандартъ* [совр. *штандарт*]); воинских укреплений (*боевое мѣсто, шанецъ* и др.); мест стоянок войск (*обозь, стань, таборь* и др.); войсковых единиц (войск – *воинство, воиско, рать* и др.; отдельных соединений – *компанья, regimentъ* др.); абстрактной военной лексики (названий войны как явления – *брань, война, межеусобие* и др.; битв, сражений – *полевой бой, побоище* и др.; военных действий, операций – *взятье, приступ* и др.; понятий, связанных с военным временем – *воинское время, осадное время, побѣда* и др.; государств, находящихся в состоянии военного противостояния или единения (собир.): *недругъ, неприятель, несоюзникъ* и др.; мобилизационных мероприятий – *ратное готовленье* и др.).

5) глагольные наименования: *воевать, выручать* ‘проникать в тыл противника с целью освобождения захваченных людей’, *запасаться* ‘снаряжаться’, и др.

В количественном соотношении выделяется группа военно-бытовой лексики (153 единицы), наименьшая по численности группа – глагольных образований (75 единиц).

В разделе «**Формальные особенности наименований военной лексики XVII в.**» рассмотрена структура номинаций военного дела, которые дифференцируются на простые и составные. Первые преобладают, так, в В-К из 513 (~65 %) наименований 340 являются простыми, 173 (~35 %) составными. Ими чаще всего являются названия предметов, имеющих разновидности. В основу подобных наименований часто положен признак. Приведем в пример номинации артиллерийских орудий по признаку:

– размер (величина орудия): *пушки великие / малые; большие // поменьше пушки;*

– металл, из которого изготовлено орудие: *пушки мѣденые, желѣзные; пушки литые.*

– функциональные характеристики орудия: *верховые пушки* – пушки, предназначенные для навесной стрельбы.

По критерию наличия «семантико-синтаксической самостоятельности» компонентов составные номинации можно разделить на комплексные (типа *корабельное войско*), способные выражать лексическое и синтаксическое значение только вместе, комплексно, и описательные (типа *огненные пушки*), компоненты которых обладают семантико-синтаксической самостоятельностью. Комплексные номинации часто по значению такие сочетания равны одному слову: *корабельный воевода* = адмирал; *пешие люди* = пехота.

В пятом разделе «**Пути образования военной лексики XVII в.**» замечено, что её пополнение происходит за счет заимствования лексем, однако в это

время оно ещё не так интенсивно и проистекает из немецкого и польского языков, откуда в основном заимствуются наименования лиц по воинскому званию и воинской должности (германизмы – *барка, генераль, генералиссимус, комендантъ*; полонизмы – *капитанъ, комиссаръ, полковникъ*).

Приток заимствований обусловлен: отсутствием в родном языке слова для обозначения нового понятия (венг. *гусар* ‘военный из частей лёгкой кавалерии, носивших форму венгерского образца’); действием тенденции к использованию одного заимствованного слова вместо описательного оборота (польск. *шанец* ‘временное полевое укрепление’ вместо сочетания *оборонительное мѣсто*); устранения омонимии (конкретное французское *пика* ‘древковое колющее холодное оружие’ иногда употребляется вместо семантически широкого *копье* ‘колющее или метательное оружие’, ‘наконечник копья’, ‘воин, вооружённый копьём’); детализацией семантики (франц. *кираса* ‘защитное вооружение из двух пластин’ употребляется вместо более широкого *латы* ‘защита корпуса бойца металлическим прикрытием’).

Другой источник пополнения военного лексикона: морфемное словообразование, осуществляемое как суффиксальным (так, персоналии образуются с помощью суффиксов *-щикъ, -чикъ, -никъ, -арь*; абстрактная военная лексика формируется с помощью суффиксов *-ств, -ств-, -(е)нь(-)* и префиксальным (**под-/пол-/полу-**: *подвоевода, поддетманъ, подполковникъ, полполковникъ, полуполковникъ*), так и префиксально-постфиксальным способом (под + *ж*: *подвоеводье, полу- + ж*: *полукорабелъе*). Применим и безаффиксный способ: *подкоп, осада, приступ*.

В военной лексике старорусской поры находим и факты семантического словообразования, в частности метафоризации значения общеупотребительных слов, переходящих в состав специальных: *сила* ‘способность производить физические действия’ → *сила* ‘военная мощь’. Конверсией образуются слова *конные, пѣшие: с цысаревы стороны было воиску 9 тысяч пѣших да 4 тысячи конных бранных* [В-К III, с. 160].

В шестом разделе рассмотрены системные отношения военной лексики XVII века. Отношения синонимии и антонимии формируются как с помощью отдельных наименований, так и с помощью их компонентов: *пороховая казна – зеленая казна – ратное надобе – ратная казна – оружие – ружье* (синонимы); *большая пушка, великая пушка – малая пушка, невеликая пушка, поменьшая пушка* (антонимы). Градонимы характеризуются степенью проявления признака: *большие (великие) корабли – средние корабли – малые корабли*.

Фонетическое варьирование у заимствований часто обусловлено фонетическими особенностями языка-источника: так, *капраль* передаётся в трех вариантах – *капраль* и *корпораль* (под влиянием франц. *seroral*), *капранъ* (вероятно, по аналогии с *капитанъ*) и др. Морфологическое варьирование представлено параллельными формами мужского и женского рода: *галера – галѣръ; каторга – катергъ; шанецъ – шанца*; среднего и женского рода: *воиско – воиска; кроволитье – кроволитья*, а также вариантными формами

множественного числа (*драгуны – драгуяне*). Словообразовательные варианты отличаются суффиксальной частью (*крһнь – крһность; мушкетеръ – мушкетникъ*), реже – приставкой (*подполковникъ – полуполковникъ – полполковникъ*). Иногда варьирование в аффиксе сочетается с морфологическим варьированием (в родовой принадлежности): *осада* (ж. р.) – *осадъ* (м.р.) – *осаженье* (ср. р.). Можно выделить и так называемое компонентное варьирование, образующее синонимико-вариационный ряд: *воисковая дума – ратная дума – ратная сойма*.

Колебания в употреблении складывающихся наименований, распространённость варьирования и парадигматических отношений в военной лексике свидетельствуют о становлении единых норм словоупотребления в старорусском языке.

В седьмом разделе мы рассматриваем основные тенденции развития военного лексикона в старорусском языке предпетровской эпохи, среди которых:

1. *Активный процесс заимствования иноязычных слов*, вызванный разными причинами экстралингвистического и внутриязыкового плана.

2. *Процесс утраты наименований*, называющих уходящие из реальности предметы, явления (*мечь, пицаль, стрела*); называющих явления, для которых в русском языке появилось более ёмкие по значению заимствования: (*воевода* постепенно вытесняется словом *генераль*); широких по значению, вследствие чего переставших быть специальными (военными) номинациями.

Сведения о частотности употребления лексем в «Вестях-Курантах» позволяют сделать вывод о динамике применения слов военного дела в речи носителей языка XVII века. Так, в это время сокращается употребление исконно русских лексем: *воевода* – (100 в В-К I и 14 в В-К V), *войско* – (122 в В-К I и 77 в В-К V) и т. д. Наоборот, увеличивается употребляемость иноязычных слов: *генераль* – (22 в В-К I и 63 в В-К V). Употребление слова *полкъ* (86 в В-К I и 55 в В-К V), на специализацию которого повлияло иноязычное *региментъ* существенно не снижается, и, наоборот, его иноязычный эквивалент не пользуется «популярностью» у носителей языка (51 в В-К I и 3 в В-К V).

3. *Появление (выработка) терминологического значения наименований*: *полковникъ* шире употребляется в значении ‘воинское звание’.

4. *Стремление к выражению лексического значения через простое наименование*: так, итал. *граната* ‘разрывной снаряд’ иногда используется вместо сочетаний со словом *ядро*.

Третья глава настоящего исследования «**Военная лексика в русском языке XVIII века (петровская и постпетровская эпоха)**» посвящена становлению русской военной терминологии после 1700 г. В это время русская лексическая система сочетала две крайние тенденции: расширение, увеличение численности лексикона русского языка (за счет заимствований, словотворчества) и словарную избыточность, выражавшуюся в развитых системных отношениях, продуктивности словообразовательных типов.

Первый раздел «**Вооруженные силы в России XVIII века. Образование регулярной армии и основные пути трансформации военного лексикона в**

петровскую эпоху» раскрывает экстралингвистические факторы трансформации военного лексикона после 1700 г. Её причиной послужила военная политика Петра I (подъем статуса института офицерства, приглашение на службу иностранцев, введение Военной и Адмиралтейской коллегий вместо приказов и т. д.). Эволюция системы офицерских чинов и званий была направлена на упрощение и унификацию: специальные для родов войск чины заменялись общеармейскими и общевфлотскими. Названия типа *генераль*, *подполковник*, *капитанъ* являются уже не просто атрибутом иностранной военной структуры, а русской армии, они упорядочены в «Табели о рангах» (1822).

Второй раздел посвящен вопросу пополнения военного лексикона в петровскую эпоху. В это время заимствования преобладают над исконной лексикой.

Экстралингвистическим фактором заимствования являются международные контакты, возникшие как при проживании иностранцев на территории России (служба в армии, работа в военном ведомстве), так и пребывании русских за границей (учеба в военных учебных заведениях, обучение военнотехническому делу). Внутриязыковые факторы: обозначение новой реалии; стремление к экономии языковых средств (вместо характерных для XVII века слов *воинство*, *войско (войска)*, *ополчение*, *ратное собрание*, *рать*, *сила* в первом десятилетии XVIII века появляется *армия*); к выражению понятия через однословное иноязычное наименование, а не через описательный оборот (*большой (воинский, войсковой, пушечный) нарядъ* → *артиллерія*); к устранению широкой семантики (лексема *флангъ* 'крайняя часть боевого построения войска' заменила русское слово *крыло*, бывшее в XVII веке названием и «органа летания» у животных, и крайней части боевого построения (*левое крыло*)).

В третьем разделе «*Структура и семантика военной лексики XVIII века*» излагается лексико-семантическая структура военной лексики, фиксируемой в деловой письменности XVIII в. Она во всей совокупности составляет 968 единиц и включает пять тематических групп. Принцип выделения тематических и лексико-семантических групп аналогичен принципу, принятому в первой главе.

1. Морская военная лексика состоит из наименований кораблей и средств передвижения по воде (названий отдельных видов кораблей: *бригантина*, *галера* и др.; обобщенных названий кораблей: *воинские и ластовые суда*); названий военного флота, групп кораблей (*флотъ корабельной и галерной, эскадра* и др.); мест стоянки кораблей (*адмиралтецъ верфь*, *портъ*); людей, связанных с мореплаванием (лиц командного состава: *адмиралъ отъ краснаго флага*, *контръ адмиралъ*, *шаутбенахтъ* и др.; лиц по должности на флоте: *боцманъ*, *матрозъ*, *ихиманъ* и др.; лиц, служащих во флоте или имеющих отношение к флоту: *корабельный мастеръ* и др.); элементов оснастки корабля, его частей: *палуба*, *парусъ*, *флаг-штокъ*, *якорь*; учреждений военно-морского флота: *адмиралтейская коллегия*; абстрактной лексики: *морская баталія*, *корабельные работы* и др.

2. Наименования вооружения включают наименования индивидуально-вооружения (индивидуального оружия: *ружьё (одноголиберное)*, *кортикъ*,

штыкъ и др.; доспехов: *кирасъ, панцырь,* и др.); группового оружия (артиллерийских орудий: *гоубица, легкая пушка* 'о легковесной пушке' и др.; боеприпасов: *петарда, порохъ мушкетной / пушечной / ручной* и др.); обобщенные наименования (*артилерскіе припасы, студеное ружье* 'о холодном оружии' и др.).

3. Наименования лиц по воинскому званию / воинской должности включают наименования лиц по воинскому званию (чину) (названия старших воинских чинов: *анишефтъ, бригадиръ, генерал отъ артиллеріи, примеръ майоръ* и др.; младших воинских чинов (*вахмистръ, унтеръ офицеръ* и др.); лиц по воинской должности (*генераль-вагенмейстеръ, генераль профось, провіантмейстеръ* и др.); лиц по принадлежности к родам войск (*кавалеріистъ, лейбдрагунъ* и др.); лиц, имеющих отношение к военной службе (по профессии: *берейтеръ, войсковой писарь* и др.; лиц по роли в ситуации: *волонтеръ, дезертиръ* и др.; разных лиц: *кадетъ, куріеръ* и др.); обобщенные наименования: *военнослужащіе, военный человек* и др.

4. Лексика, связанная с воинским бытом, содержит наименования:

– воинских единиц (вооруженных сил: *армія, регулярное / нерегулярное войско, милиція* 'губернское земское войско' и др.; отдельных войсковых единиц: *корволантъ* 'легкий корпус', *пѣхотный отрядъ* и др.; войсковых единиц специального назначения: *коръ-де-резервъ* 'резервный корпус' и др.);

– военных учреждений: *полковой госпиталь, воинская команда* 'о штабе войск', *кригсрехтъ* 'военный суд', *магазинъ* 'склад вооружения' и др.

– военных документов – документов военного ведомства (*атестать, инструкция, реляція* и др.); военно-дипломатических документов (*трактать, союзный договоръ* и др.); документов, регулирующих военную службу (*военный артикулъ* и др.); внутривойсковых служебных документов (*инвентаріумъ, полковые рапорты* и др.);

– отвлеченные (абстрактную военную лексику): наименования войны как явления: (*брань, война, междуусобная война* и др.), битв, сражений (*баталія, генеральное сраженіе* и др.), боевых и оборонительных действий (*атака, кампанія, штурмъ* и др.); родов войск (*артилерія, инфантерія, кавалерія* и др.); государств, находящихся в состоянии военного противостояния или единения (*воюющие стороны, союзникъ*);

– тактические: *арьергардъ, полковые улицы* и др.;

– фортификационных сооружений: *батарея, бастионъ, линія* и др.;

– мест стоянок войск: *квартира, лагерь, палатка* и др.

– предметов военного обмундирования и амуниции: *галстухъ, мантія, оружейные, мундирные вещи* и др.;

– воинской символики: *знамя, древко, флагъ, штандартъ*.

5. Глагольные наименования: *бомбардировать, блокировать, буксировать, наwerbenъ* 'набрать военнослужащих', *патрулировать* и др.

Нами установлено, что численный состав военного лексикона в петровскую эпоху значительно (в 2 раза) увеличивается по сравнению со старорусской, существенно пополняются лексико-семантические группы наименований лиц по званию и должности, военных укреплений и учреждений. Сокра-

щается состав групп, ранее включавших составные наименования (названия кораблей, группового оружия) в связи с тем, что описательные термины исчезли из употребления в петровскую эпоху.

Четвертый раздел «*Формальные особенности наименований военной лексики XVIII в.*» раскрывает пути образования наименований военной лексики:

(1) заимствование лексем (переход их из одного языка в другой, через посредство других языков или минуя его) говорит о тенденции к экономии языковых средств в XVIII в., многие из западноевропейских однословных наименований заменяют составные русские наименования (например, в случае с упомянутым выше словом *артиллерія*).

(2) морфемное образование лексем осуществляется преимущественно с помощью заимствованных морфем, которые с течением времени сливаются с корнем, т. е. претерпевают процесс опрощения, в результате слово становится морфемно неделимо: например, западноевропейские морфемы *-антъ* и *-ерь* в русском языке становятся частью корня: *адъютантъ*, *комендантъ*; *волонтеръ*, *кавалеръ*. Между иноязычными формантами, как и между исконными, существуют отношения синонимии (значением 'лицо по принадлежности к роду войск' объединяются форманты: *-ист-* – *-ир-* – *-ер-* (*кавалеристъ*, *канониръ*, *фузилеръ*). Интересна русская морфема *под-*, обозначающая подчиненное либо нижестоящее лицо: *полполковникъ*, *подпоручикъ*, *подпрапорщик*, в XVIII в. – *подлхкаръ*, *подкомандующій*.

Заимствованные слова объединяются в цепь словообразовательной производности: *команд-а* → *команд-ова-ть* → *команд-ир-ова-ть* → *команд-ир-ова-ни-е*; → *команд-ир-ъ*; *команд-ова-ть* → *команд-у-ющ-ий*.

Другая разновидность морфемного способа образования военной лексики в XVIII веке – присоединение иноязычных формантов, привносящих в слово оттенок вещественного значения и по месту присоединения условно делящихся нами на *препозитивные* и *постпозитивные*. Впоследствии они стали частью корня, т. е. прошли процесс опрощения. Примеры препозитивных формантов: *кригсъ* (нем. *Krieg* 'война') – *оберъ кригсъ коммисаръ*, *кригсъ-рехтъ*; *унтеръ* (нем. *Unter* 'нижний', 'младший') – *унтеръ офицеръ*, *унтеръ штабъ*. Постпозитивным формантом является немецко-польский *мейстер/мистр*: *квартирмейстер* / *квартирмистр*. Иногда военные теоретики создают громоздкие сочетания типа *оберъ кузнечнаго дѣла мастеръ*, *унтеръ кузнечной мастеръ*, сочетая иноязычный формант с прилагательным, что свидетельствует о том, что указанные форманты не являются аффиксами;

(3) семантическое образование, которое изменяет грамматические категории слова (число, род, переходность и др.), его стилистическую окраску. Метафорический перенос зачастую сопровождается детерминологизацией: *партія* 'военный отряд специального назначения' → *партія* 'шайка воров'. Метонимизация способствует конкретизации значения слова: (*военный, офицерскій*) *чинъ* 'воинское звание' → (*полковой, строевой*) *чинъ* 'лицо, имеющее такое звание'. Термин же может образовываться: 1) переносом значения общепотребительного слова (*улица* 'проезд, дорога между рядами

домов' – *улица* 'расстояние между рядами солдат'), 2) переносом значения уже существующего термина на новый термин (*ружьё* 'вооружение вообще' – *ружьё* 'вид оружия', например, *однокалиберное ружьё*). Конверсией часто образуются наименования лиц типа *нерегулярный* (относящийся к *нерегулярному войску* 'народное ополчение, набираемое по особому случаю' → *нерегулярные* 'воины, относящиеся к временному ополчению'. Подобным образом создается слово *рядовой*, образованное из сочетания *рядовой солдат*, распространенного в XVII в.

Морфолого-синтаксическая структура составных номинаций в XVIII веке значительно усложняется. В языке появляется ряд словообразовательных моделей, особенностями которых является наличие ключевого слова и невозможность синтаксической реконструкции.

1) модель «Сущ. в им. п. + сущ. в им. п.» (Sub_{nom} Sub_{nom}) является образцом для создания наименований лиц по званию / должности (*генераль фельдмаршал*, *генераль фельдцейгмейстер* и т. п.) путем объединения полнозначительных слов в составное образование с неделимым значением;

2) модель «Сущ. в им. п. + сущ. в род. п.» (Sub_{nom} Sub_{gen}) фиксируется среди наименований флота: *Кордебаталии блага флага* (*Кордебаталия* 'средняя часть (центр) флота'), *капитан 1го ранга*, *капитань 2го ранга*;

3) модель «Сущ. в им. п. + предлог + сущ. в род. п.» (Sub_{nom} праер Sub_{gen}) употребляется при наименовании старших чинов: *генераль отъ Инфантерии*, *Адмираль отъ синего флага*. Единичны сочетания типа *писарь отъ артиллерии*;

4) по модели «Сущ. в род. п. + сущ. в им. п.» (Sub_{gen} Sub_{nom}) образовывались военные (1) наименования лиц по воинскому званию, включающие название (а) воинского соединения, к которому относился военный служащий и (б) его воинское звание: *Лейб-гвардии Семеновскаго полка капитань*; *лейб гвардии преображенскаго полку салдат*. Иногда в сочетании выступает наименование места службы военного служащего: *фарпоста капитань*; *от войсковыхъ днль* [штаба войск] *депутата*; (2) наименования воинских соединений, в составе которых было (а) наименование более крупного соединения и (б) наименование меньшего соединения: *конной гвардии три роты*.

5) сочетания, образованные по модели «Прил. в им. п. + сущ. в им. п.» (Adj Sub) менее распространены в XVIII веке, нежели в XVII в.: *резервный корпус*, *обсервационный корпус*, *новоприверстанный рекрут*.

Пятый раздел «*Системные отношения наименований*» посвящен развитию парадигматических отношений в сфере военной лексики, в котором наблюдается ряд тенденций:

– увеличение синонимических рядов, усложнение их формальной структуры, появление синонимов разных типов (1) за счет заимствований, которые порой вытесняют собственно русские и становятся единственным наименованием реалий, (2) за счет перифрастических, описательных выражений, бытовавших в литературном языке данного периода. Тем самым структура синонимического ряда представлена несколькими элементами: исконное слово – заимствование – описательное выражение – производные слова: *полков-*

никъ, воевода, полковой воевода, полководец – командиръ, генералиссимус – командующая пѣрсона (особа);

– развитие родо-видовых отношений. Так, слово *операція* ‘военное действие’ может включать в себя такие «операции» как *штурмъ, диверсія, вылазка, погоня*;

– развитие антонимических отношений в результате действия тенденции к поляризации семантики слов. В военной терминологии, как правило, противопоставляются понятия, связанные с военными / невоенными явлениями и предметами (можно выделить оппозицию «военный / невоенный» (о предмете): *штатная команда – воинская команда; армейская служба, военная служба – гражданская служба*. Противопоставлению подвергаются понятия из сугубо «армейской» реальности, например, характер несения службы (о лице): *регулярный непріятель – нерегулярный непріятель; конная экзерциція – пѣшая экзерциція*.

Варьирование в рамках военной лексики XVIII века классифицируется на внутрилексемное (фонетическое, орфографическое, словообразовательное (морфемное), морфологическое) и межлексемное (компонентное). Фонетическое варьирование в сфере гласных вызвано качественной редукцией (*лагерь – лагарь*), в сфере согласных – оглушением конечного гласного звука (*абшидъ – абшитъ, матрозъ – матросъ*), ассимиляцией по твердости / мягкости (*гарнизонъ – гварьнизонъ*) и глухости / звонкости (*контръ адмираль – кондръ адмираль, унтеръ офицеръ – ундеръ офицеръ*), диссимиляцией (*фельдцейгмейстеръ – фельдцејхмейстеръ*). Иногда фонетические варианты были вызваны особенностями языка-источника, так замена [с] на [ш] была обусловлена двоякой, по мнению русских переводчиков, трактовкой немецких слов, включающих букву *š*, отсюда: *муштровать – мунштровать, шквадронъ – но: эскадра, (го)спиталь – шпиталь, Унтеръ-Стабский чинъ – унтеръ-штабъ*.

Орфографические варианты вызваны выбором принципа написания слова писцом – в соответствии с произношением либо в соответствии с орфографическим узусом. Выбор фонетического принципа обусловлен живыми фонетическими процессами в речи носителей языка XVIII в.: *бригадиръ – брегадиръ, кавалѣръ – ковалѣръ, матросъ – мотросъ, мортира – мартица* и т. д. Двойное употребление букв в языке-источнике вызвало в русском письме следующее написание: *кавалерія – каваллерія* [ит. *cavallo* «лошадь»], *коммисаръ – коммисариатъ* [под влиянием нем. *Kommissar* ‘комиссар’]. Орфографическое варьирование наблюдается также в случае употребления дублетных букв: *арьергардія – аріэргардія, куріеръ – куріэръ*; в различном написании слова: *кригсрехтъ, но криксъ-рехтъ, квартирмейстеръ, но квартиръ мейстеръ*. Морфемные варианты частотны в сфере заимствованных аффиксов: *кананеръ – канониръ, мушкатеръ – мушкатиръ*. Подобное явление вызвано двояким истолкованием иноязычных формантов, например, французского *-eur-*, который в русском одновременно может выступать и как *-ир-* (*мушкатиръ, канониръ*) и *-ер-* (*мушкетеръ*). Вариантными являются форманты *мейстер / мистр* (эквиваленты в разных европейских языках): *вахтмейстеръ // вахмистръ, ротмейстеръ // ротмистръ*.

Морфологическое варьирование заключается в неопределенности родовой характеристики существительного, которая отмечена нами у слов: *кирась* – *кираса*, *мортирь* – *мортира*, *шпиталь* (м. и ж. р.), *эскадрь* (м. р.) и *эскадра* (ж. р.). У слова *шпиталь* родовые характеристики репрезентуются через контекст. Если слово *шпиталь* относится к мужскому и женскому роду, то *госпиталь* – только к мужскому.

Шестой раздел «*Процесс адаптации иноязычной военной лексики в течение XVIII в.*» рассматривает процесс приспособления европеизмов к русской языковой системе, который осложняется явлением многоконтактности (влияния языков-источников и языков-посредников на заимствованное слово), русской диалектной средой (вспомним хрестоматийные примеры со словами *профось* → *прохвость*, *капитань* → *Капитонь*).

Графическая «нивелировка» заимствований связана, с одной стороны, с функционированием в системе русского письма графическая – алфавита, введенного Петром I, с другой стороны, – влиянием так называемого орфографического узуса, традиции письменного употребления, идущей из старорусского языка, обусловившего употребление дублетных букв. Так, ξ (кси) находим в заимствованных словах не только на месте буквенного сочетания *кс* (*эξтрактъ*), но и на месте *кз* (*Оберь Эξекуторъ*) и *ск*, где ξ (кси) употребляется, видимо, по аналогии со словами с «кс» (*эξадронов гусаръ*). Одновременно с этим в текстах деловой письменности встречаем слова с *ск* и *кс* на месте ξ: *эскадронами*; *эскадра*, *ексемплярь*. Исходя из наших данных мы можем утверждать о преобладании морфологического принципа в орфографии XVIII в., воспроизведении лексем в единообразном виде (*колонною шель на пванценцу; взять... 350 штабъ и оберъ офицеровъ; командующій четырьмя фрегатами російскими... и корветомъ*), хотя в начале века в какой-то мере силен был фонетический принцип. В целом о завершении адаптации можно говорить лишь в отношении отдельных лексем (*команда*, *матрость*, *коллегія*, *комиссар*).

Если в начале века лексемы обладают высокой степенью изменчивости фонетического состава, большим числом структурных колебаний, то в конце века происходит упорядочение формы слов, унификация их модификаций в одном, как правило, самом употребительном варианте. Так, чередования *ia* // *ea* характерны для латинизмов, подвергшихся влиянию европейских языков. Латинское *linea* ‘линия, черта’ распространяется в петровской пору в значении ‘пограничная укрепленная черта, рубеж’ и закрепляется в выражениях типа *линейные крепости*, *линейные казаки* и т. п. В начале века слово в своем произношении имело черты латинского происхождения – *h* (ять) перед *я*. В дальнейшем закрепляется вариант с *-ia*, вероятно, под влиянием многочисленной группы полонизированных слов с *-ia* (типа *авангардія*). В слове *армія* возобладали не *французский* и *немецкий* варианты, а *польский*, близкий к также многочисленным лексемам на *ia*. Вариант *армей* (*армня*) есть больше оснований рассматривать как восходящую к французскому *armee*, от которой произошло слово *армейский* (*рангъ*).

Исследователи отмечают, что в региональной деловой письменности, в региональном узусе имеет место так называемая консервация архаических элементов, т. е. закрепление в употреблении одного из вариантов произношения слова. Так, в южнозауральской деловой письменности замечаем вариант слова *гауптъ вахта – обахта*.

Затруднения в морфологическом оформлении (или субституция морфем) наблюдаются у слов латинского происхождения, относившихся в языке-источнике к среднему роду и второму склонению, а в русском языке – подвергшихся влиянию слов на *-ia (-ия)*. Варьирование отмечается у слов: *консилій – консиліумъ* ‘о военном совете’ – *консилия*; *инвентарій – инвентаріумъ* ‘об амуниции и вооружении’, *генераль-кригссь-комиссарій – комиссаріусъ*, (*военная*) *коллегія – военная коллегіумъ*, *линія коммуникаціонъ – коммуникація*. Отметим, что преобладающей оказывается форма женского рода на *-ia* (*коллегія, коммуникація*), однако *военный совет* чаще именуется *консилій*; *комиссарій* и более раннее *комиссаріусъ* заменяется новым европейским *комиссарь*. Формы на *-умъ* постепенно исчезают из языка: *инвентаріумъ* – редкая форма, ср. в современном языке: *инвентарь*.

Структура генетива множественного числа в сфере военной терминологии имеет экстралингвистические и лингвистические основания. По нашему мнению, флективный генетив встречается, когда лексема называет лицо по должности, представители которой в войсках занимают высокое положение (*офицеръ, фельдмаршалъ, капитанъ*). Напротив, генетив без окончания имеют слова, называющие многочисленных лиц армии (*солдат, гусар, драгун*). С позиций лингвистики основанием является то, что номинации-персоналии с суффиксами *-ник, -щик (деньщикъ)*, а также *-ист (артиллеристъ)* имеют только флективный генетив. Как правило, с окончанием употребляются слова *капрал, матрос*.

Процесс словообразовательной адаптации связан с процессом осложнения, когда носители языка разделяют слово на аффиксы и образуют с помощью них новые слова. Некоторые слова (*мушкетер, канонир*) так и не прошли этот процесс и воспринимаются как неделимые основы. Осложнение произошло в словах типа *ретир-ад-а, аттест-аці-я, салют-аці-я* (ср. совр. *салютъ*), где мы можем выделить суффиксы отвлеченности, соответственно, сопоставляя слова с однокоренными *ретироваться; аттестатъ, аттестовать, аттестование; салютовать*. Осложнение происходит и в персоналиях на *-ист* и *-ант, -ер // -ир* и *-ор*, так в русский язык проникли иноязычные суффиксы лица: *артиллеристъ* (← *артиллерія*), *арестантъ* (← *арестъ*); *карабинеръ* (← *карабинъ*), *бригадиръ* (← *бригада*). И, наоборот, суффиксы лица не вычлениются в тех лексемах, которые не адаптируются словообразовательно на русской почве, т. е. не имеют производящих основ (однако могут сами образовывать новые слова), утратили связь семантической и формальной мотивации: *адъютантъ, драбантъ, комендантъ, сержантъ*.

Что касается семантической адаптации, то слово «инкрустируется», входит в состав лексической системы русского языка, обрастает синтагматическими связями либо остается за пределами его существования, как, например,

избыточные в своей семантике *инфантерія* 'пехота', *викторія* 'победа', *фортеція* 'крепость'. Полностью адаптированной лексемой является слово *квартира*, которое в XVIII веке более частотно по сравнению с номинацией *лагерь*. Выражая значение 'место, помещение для стоянки войск во время боя, передвижения, перемирия и т. д.', наименование реализуется в ряде составных номинаций типа: *гаупт квартира* (квартира, где живет главный офицер), *рефреширь квартира* (квартира для отдыха войск во время перемирия), *винтерь квартира / зимовая квартира* (квартира для зимовки войск), в однокоренных словах *квартирмейстерь*, *квартировать*. Два века спустя слово полностью детерминологизировалось, стало обозначать 'помещение для жилья', а первоначальное, военное значение сохранилось в глаголах и отглагольных образованиях типа *расквартироваться*, *расквартирование*, *квартировать* (войска).

Девятый раздел посвящён анализу основных тенденций в развитии военной лексики в XVIII в. В их числе: (1) тенденция к конкретизации значения, в противовес тенденции к собирательности, действовавшая в XVII веке. В петровскую эпоху многие собирательные и абстрактные наименования переходят в разряд конкретных: *ружьё*, *ружь* 'вооружение' → *ружьё* 'вид огнестрельного оружия'; (2) тенденция к поляризации, т. е. противопоставленность видовых понятий внутри одного рода, иначе говоря, тенденция к *гиперо-*, *гипонимии*: в частности, оружие уже четко делится на холодное и огнестрельное, «казенное» и частное, «партикулярное», люди – на «военных» и «гражданских» лиц, офицеры – на «обер» (старших) и «унтер» (младших, «нижних»), военнотружущие – на пеших и конных, регулярных и нерегулярных и т. д.; (3) тенденция к *избавлению от омонимии* раскрыта нами выше, в ходе описания пополнения русского языка заимствованиями (примеры употребление слов *фланг* и *флот*); (4) тенденция к *стилистически маркированному и перифрастическому употреблению и терминологизации* общепотребительных наименований наиболее широко проявляется в художественной прозе. Стилистическими фигурами можно назвать и частотные в литературе XVIII в. перифразы, которые выразительно инкрустируются в контекст военно-исторического повествования: *писаль о томъ затмѣнїи ко всѣмъ начальствующимъ своимъ въ Польшѣ и въ Россїи воинскимъ и гражданскимъ особамъ* [=генералитету].

В последнем разделе третьей главы сделан вывод о том, что на протяжении XVIII в. произошло становление русской военной терминологии. Увеличиваются тематические группы военной лексики: военно-бытовых наименований, наименований военных укреплений. С усложнением структуры войска появляются и европеизмы-названия военных подразделений, заимствованные глагольные номинации.

Военная терминология разграничивается и в зависимости от употребления в разных родах войск, так как каждый вид вооруженных сил род войск имеет присущее ему боевое предназначение, тактику и организацию, боевую технику и оснащение (артиллерия: *бомбардирь*, *гоубица*, *нетардьерь*; кавале-

рия: *берейтеръ, вахмистръ, ротмистръ*; флот: *арматоръ, боцманъ, брандёръ, бригадина, купоръ, мичманъ, флаг*). Различаются наименования в казначьих (*войсковой старшина, есауль*), гвардейских и пехотных войсках.

Ряд названий, возникших во времена Петра I, употребляются и в наши дни: *гарнизон, гауптвахта, корпус, команда*. Не все номинации сохраняются в русском языке новейшего периода. Ряд из них утрачивается: *инфантерія*. Ряд лексем детерминологизируется и расширяет значение: *бригада, пикет*.

Заключим, что военная терминология в XVIII веке в целом формируется на семантической базе русского языка XVII века, но на формальных элементах, в основном пришедших в русский язык из западноевропейских языков. Они более соответствовали сфере специального употребления, т. к. были определённы и узки по значению, кроме того, стали дополнением круга элементов, который уже существовал в старорусском языке.

Изменения в структуре касаются, во-первых, утраты исконных адъективных сочетаний, во-вторых, выработки более сложных по форме составных наименований, в которых большую роль играет морфолого-синтаксическая закреплённость входящих в их состав слов.

Таким образом, стоит отметить, что указанные изменения в структуре военной лексики способствовали формированию целостной военной терминосистемы. Военная терминология на протяжении XVIII в. находится на этапе выработки окончательного варианта произнесения / словоупотребления / словоизменения / написания терминов, когда языковая норма способствует появлению того слова, которое функционирует в русском языке более позднего периода.

В **заключении** нами перечислены выводы, к которым мы пришли в ходе исследования военного лексикона XVII–XVIII вв. Можно сказать, что военная лексика – открытая система, которая постоянно формируется, дополняется, трансформируется под воздействием лексической системы русского языка. Сегодня она не ограничивается рамками узкоспециального употребления, т. к. многие её элементы стали частью общеупотребительного литературного языка, в частности, публицистического дискурса (например, слова *маневрировать, лавировать* – превратились в обозначение «политического движения», *авангард* – «передовых людей», а *арсенал* – «совокупности аргументов, идей, доводов»). Всё это свидетельствует о неисчерпаемом лингвистическом ресурсе этой группы слов и перспективе её дальнейшего исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

I. В ведущих рецензируемых журналах и изданиях, выпускаемых в Российской Федерации, согласно перечню ВАК:

1. Уланов, А. В. Военные наименования в структуре геральдического описания второй половины XVIII века / А. В. Уланов // Омский научный вестник. – 2006. – № 9 (47) – С. 214–218 (0,3 п. л.).

II. Научные статьи и тезисы научных и научно-практических конференций:

2. Уланов, А. В. Военная лексика в «Вестях-Курантах» 1648–1650 гг. / А. В. Уланов // Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии. – Курган: КГУ, 2004. – 0,25 п. л.
3. Уланов, А. В. Из истории военной лексики в русском языке (наименования оружия и боеприпасов в «Вестях-Курантах XVII века) / А. В. Уланов // Сборник научной конференции студентов Курганского госуниверситета. – Выпуск V. – Курган: КГУ, 2004. – 0,1 п. л.
4. Уланов, А. В. Заимствования в военной лексике XVII века (на материале «Вестей-Курантов») / А. В. Уланов // Сборник научной конференции студентов Курганского госуниверситета. – Выпуск VI. – Курган: КГУ, 2005. – 0,1 п. л.
5. Уланов, А. В. Заимствования Петровской эпохи в языке южнозауральской деловой письменности XVIII века (на материале военной лексики) / А. В. Уланов // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике: Материалы I Международной научной конференции: в 4 частях. – Кемерово: Юнити, 2006. – Часть 3. – 0,3 п. л.
6. Уланов, А. В. Лексика русских рукописных газет XVII века / А. В. Уланов // Вопросы филологии и журналистики: сборник статей научно-практической конференции «Человек в свете современных естественнонаучных и гуманитарных исследований». – Омск: ОГИ, 2006. – 0,5 п. л.
7. Уланов, А. В. Славянизмы и русизмы в военной лексике первой половины XVIII в. (на материале «Рукописного лексикона») / А. В. Уланов // Славянские чтения: сборник статей международной научно-практической конференции. – Омск: ОмГТУ, 2006. – 0,3 п. л.
8. Уланов, А. В. «Рукописный лексикон первой половины XVIII в.» как лингвистический источник / А. В. Уланов // III Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Казанский госуниверситет, 2006. – Т. 1. – 0,2 п. л.
9. Уланов, А. В. Военная лексика в публицистике XVIII века / А. В. Уланов // Актуальные проблемы высшего гуманитарного образования и воспитания в Сибири: сборник научных статей № 2. – Омск: ОГИ, 2007. – 0,3 п. л.
10. Уланов А. В. Семантический способ деривации в специальной лексике XVIII в. / А. В. Уланов // Актуальные проблемы высшего гуманитарного образования и воспитания в Сибири: сборник научных статей № 3. – Омск: ОГИ, 2007. – 0,3 п. л.
11. Уланов А. В. Роль орфографического узуса в правописной культуре XVIII в. (на материале документов южнозауральской деловой письменности) / А. В. Уланов // Фонетика и письмо как непрерывно развивающиеся явления: сборник научных трудов / отв. ред. Б. И. Осипов. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2007. – 0,5 п. л.
12. Уланов А. В. Лексика русского языка XVIII в. в документах архивов Южного Урала, Зауралья и Западной Сибири // Юговские чтения-2007: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Курган: КОУНБ, 2007. – 0,5 п. л.